Юлиана Тиксон

Институт Мертвых Девиц

Юлиана Тиксон

Институт Мёртвых Девиц

«Автор»
2026

Тиксон Ю.

Институт Мёртвых Девиц / Ю. Тиксон — «Автор», 2026

Санкт-Петербург, 1825 г. Императорский институт благородных девиц, где юные дворянки учатся светским манерам, становится местом мрачных тайн. Когда в его стенах одну за другой находят мёртвыми воспитанниц, тишину коридора нарушает шёпот о проклятии. София оказывается в центре загадки, связанной с кровавым ритуалом. Ей предстоит раскрыть секреты, спрятанные на страницах чужого дневника, и выбрать между холодной логикой сыщика и опасным обаянием императора, пока тени прошлого сжимают петлю.
Но в мире, где каждая правда - шаг к гибели, даже стены института могут стать ловушкой. Успеет ли София спасти невинных, прежде чем следующей жертвой станет она сама?

© Тиксон Ю., 2026
© Автор, 2026

Юлиана Тиксон
Институт Мёртвых Девиц

«Меня влёк к себе и призрак, всегда возникавший предо мной, когда я подходила к зеркалу, странно удваивавший моё существо. Я старалась разгадать, чем та, другая женщина отличается от меня...»

— Валерий Брюсов, «В зеркале»

Из дневника

«XVII. XI, 1825 г,

Сон мой нынешний не покинет меня, даже когда перо дрожит в руке. Будто сама тень легла на страницы...

Я стояла перед зеркалом, но это была не я. Отражение повторяло движения, но черты его были чужими - будто кто-то примерил моё лицо как маскарадную полумаску. Губы искривились в улыбке, которой я не знала, глаза стали глубже, темнее... а потом стекло задрожало, словно вода от брошенного камня. Я протянула руку - и отражение вытянулось, как пламя свечи на сквозняке. И из этой чёрной дрожи возникла Она...

Белая Дама.

Они шепчутся о Ней в спальнях после отбоя: будто дух её бродит по восточному крылу, охраняя институт от бед. Но в ту минуту я поняла - это не защита. Она смотрела сквозь меня, будто я - стёклышко её лорнета, а за мной простиралось что-то... иное. Холодный свет лился от её платья, как лунные блики на снегу, а в глазах - пустота, глубже колодца в заброшенной часовне.

«Предзнаменование», - прошептал во мне голос, но чей? Может, тех, кто собирался в ту ночь в старой кладовой за библиотекой? Мы клялись молчать о ритуалах, о свечах, о кругах, начертанных мелом на полу... Лидия тогда смеялась: «Просто игра!». Но после того, как её нашли мёртвой, игры стали тише. А сны - громче.

Прости, Господи, мне ль бояться? Но я чувствую - Она пришла не случайно. Зеркало во сне - дверь. И кто-то её открыл...

Завтра пойду в ту комнату . Надо стереть следы. Надо убедиться, что мы не разбудили то, что спало веками.

А если нет?

(Здесь чернила размазаны, будто страницу роняли или спешили закрыть дневник).

P.S. Пусть это лишь грёзы. Пусть. Но отчего же пальцы пахнут ладаном и воском, как после тех ночей?..»

Глава 1

Ноябрьское утро встретило город дождём. Небо заволокло серыми облаками, а туман, словно змея, струился по земле, шепча тайны, о которых никто не знал. Воздух давил, будто пытаясь стереть остатки жизни. Пахло необъяснимой тревогой - и гнилью. Где-то раздался удар колокола. Или показалось?

В Институте благородных девиц, несмотря на ранний час, жизнь уже начинала пробуждаться. София, укрытая тонким одеялом, нехотя разлепила глаза. Сырость и холод пробрались даже сюда, в стены, - казалось бы, - надёжно защищающие от внешнего мира. Поднявшись с кровати, она ощутила неприятный озноб. За окном висела все та же унылая серость, словно отражение её собственных смутных предчувствий.

В дортуаре царило сонное царство, лишь несколько воспитанниц уже возились, натягивая строгие платья. Воздух был пропитан запахом лаванды и чего-то затхлого, словно старые тайны просачивались сквозь стены. София подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу. Удар колокола эхом отозвался в её груди, заставляя сердце биться чаще. *Что-то было не так.*

София чувствовала, как тревога с каждой минутой нарастает. Она не могла понять, что именно происходит, но ощущение неминуемой беды не покидало её. Казалось, институт, обычно такой спокойный и умиротворённый, затаил дыхание, ожидая чего-то ужасного. День обещал быть долгим и полным неясных предчувствий.

Зеркала в коридорах словно шептались и, казалось, следили за каждым движением воспитанниц, будто немые свидетели их жизни. По ночам кто-то рассказывал, что видел отражение в белом одеянии, кто-то слышал стук или стон, просачивающийся сквозь институтские стены, но на самом деле все было не так. Точнее - так, но правда (если её узнать) ужасала. За закрытыми дверями благородного заведения творилось то, чему позже историки не смогут дать объяснения.

За окном раздался удар колокола, заставив содрогнуться стены. София отошла от окна и направилась в умывальную комнату, желая смыть с себя липкий пот, предательски стекающий по спине, и остатки витающей в воздухе тревожности.

Время в институте словно замедлилось. Воспитанницы лениво просыпались, одевались. Даже классная дама, обычно дежурившая по утрам в их дортуаре, казалось, сегодня куда-то запропастилась. Погрузившись в свои мысли, София вскрикнула, когда чья-то лёгкая рука легла ей на спину. Обернувшись, увидела перед собой Мари Ольховскую - подругу.

- Душечка, что-то случилось? - спросила та.

- Ох, Мари! - София вскинула руки. - У меня странное предчувствие, будто скоро должно что-то непременно случиться. Что-то нехорошее. Разве ты не ощущаешь?

Мари молчала.

Отвернувшись к окну, София обхватила себя руками, вновь погрузившись в мрачные мысли. Её тело пробила мелкая, едва ощутимая дрожь.

- Погода скверная. Говорят, нынче в Петербурге солнца не видать, - голос Мари звучал ровно, но в его нотках чувствовалась тревога.

- Погода, да... - ответила София, не отрываясь от окна.

- И не только погода, София, - Мари подошла ближе, понизив голос до шёпота. - Слухи ходят странные. Говорят, ночью кто-то видел тень в библиотеке. И не просто тень, а женскую фигуру в белом.

София вздрогнула. Истории о призраке Белой Дамы, блуждающей по коридорам института, были хорошо известны всем воспитанницам. Обычно их рассказывали шёпотом по ночам, кутаясь в одеяла, но чтобы увидеть призрак - это уже переходило всякие границы фантазии.

- Не говори глупости, Мари, - попыталась отмахнуться девушка, хотя в глубине души ей стало не по себе. - Это всё выдумки, чтобы пугать младшеньких.

- Может быть, - неуверенно протянула Мари. - Но я слышала это не от одной девочки. И ещё колокол... Он звонит сегодня чаще обычного.

В этот момент вновь раздался глухой удар колокола, прокатившийся по зданию, словно в подтверждение её слов. София почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она посмотрела на Мари, и в глазах подруги увидела отражение собственного страха. Что-то действительно происходило. Что-то зловещее и необъяснимое. И они, воспитанницы Императорского Института Благородных Девиц, оказались в самом центре этих событий.

София нехотя кивнула, хотя тревога не исчезла. Она чувствовала, что Мари тоже что-то скрывает. В её взгляде мелькнула тень, которую София раньше не замечала. Что-то изменилось, и это «что-то» нависло над институтом, как предвестник бури.

Быстро умывшись. София взглянула на себя в зеркало. Бледная кожа, острые черты лица: скулы, длинный тонкий нос, большие серо-голубые глаза и тонкая линия бровей над ними, пухлые губы цвета завядшей розы. Волосы были словно декабрьский мороз - цвета пепельный блонд, убранные в толстую косу. Её холодная красота заставляла сердца трепетать, а взгляд словно свысока говорил о её недоступности красноречивее любых речей. Но в этот раз он выражал не привычную надменность и лёгкую заинтересованность, а пустоту. Пустоту и страх, сковывающий конечности.

- Душечки, идёмте! Пока классная дама не отругала нас, - в проёме появилась светлая макушка Киры Грац.

- Сейчас-сейчас!

Обменявшись последними взглядами, София и Мари поспешили покинуть дортуар.

Дисциплина в институте была строгая. Куда бы ни шли воспитанницы, - будь то обед или прогулка, - они всегда выстраивались парами, шагая по длинным коридорам за мадам Лебо. Если по пути им встречались преподаватели или (не дай бог!) госпожа директриса, то девушки тут же склонялись в учтивом поклоне, не поднимая головы - знак приветствия. То же касалось и младших воспитанниц.

На обеде девушки сидели за длинными столами, расположенными вдоль всего зала, которые занимали воспитанницы всех возрастов. Обычно в это время подавали скудный завтрак: кусок хлеба с маслом, чай (едва тёплый), противную жидкую кашу и пару кусочков сыра. Конечно, таким ежедневным рационом сыт не будешь, но директриса считала, что нельзя баловать юных дворянок, иначе в будущей жизни им будет тяжко жить и никто их, сытых и располневших, замуж не возьмёт. Поэтому многие институтки - особенно те, что постарше - прибегали к разным ухищрениям вроде того, чтобы уговорить пепиньерку накупить им фруктов и сладостей. Это было рискованно и почти незаконно, ведь если бы об этом прознала директриса или - тем более! - инспектриса института, то страшно представить, чем бы такая выходка могла грозить! В лучшем случае - выговором и занесением в личное дело с плохой оценкой за поведение, в худшем - исключением и позором. Но, к счастью, пока никто не попадался и лучше бы это так и оставалось.

Провинившихся за обедом было мало - единицы из младших воспитанниц. Зрелище унизительное: бедные девушки стояли вместо того, чтобы сидеть, а к их переднику были пригвождены чулки. Такое практиковалось повсеместно во всех подобных заведениях страны и в большинстве случаев было эффективно. Но разве можно винить юные души за то, что они любят поспать чуть дольше или проявляют чересчур дерзкие эмоции?! Благо, физические наказания для девушек были запрещены и практически не применялись в современной России.

Когда София заняла своё место, её окликнула Кира, сидящая справа:

- Слышала, сегодня колокол звенел больше обычного...

- Да-да, и вороны летали низко, - подключилась к разговору Лидия Неволина. - Это не к добру.

Девушки были те ещё сплетницы. Пожалуй, обсуждать всех и всё - это было любимым занятием институток в свободное от учёбы время. Они могли из любой услышанной новости или случайно оброненной фразы сделать целую трагедию (или комедию, тут как повезёт). А то, что касалось института, директрисы или самих воспитанниц, привлекало их больше всего.

- Ох, mesdame, вы опять за своё? Ну сколько же можно повторять, что всё это ложь! Неужели вы и взаправду думаете, что нам что-то угрожает? Если бы это было так, то госпожа Белокрылова или госпожа Дадиани непременно бы нам сообщили, - сказала Настя Спасская. Она была лучшей ученицей, никогда не участвовала в ночных посиделках, тайных вылазках или распространении сплетен, потому что считала себя выше этого. Ну конечно! Будущей фрейлине нужно быть порядочной во всём. - И вообще, не забывайте, что скоро у нас бал, на котором будет присутствовать сам Великий Князь Николай!

Великий князь. *Николай Павлович.* Младший брат императора Александра I. Он был частым гостем здесь, которого с трепетом ждали даже преподаватели, а его мать, вдовствующая императрица Мария Фёдоровна, была покровительницей Воспитательного общества благородных девиц - после Екатерины Великой, разумеется. Бал в честь визита цесаревича явление было нечастое и потому готовились к нему с особым усердием.

Настя Спасская гордо вскинула голову и отрезала очередной кусок хлеба, демонстративно игнорируя перешёптывания подруг. София же, напротив, с интересом прислушивалась

к разговору. Её всегда забавляла эта смесь суеверий и светской болтовни. Что-то в этом было такое... живое, настоящее, в отличие от строгих правил и чопорных манер, которым их учили.

- А помните, в прошлом году перед приездом княгини Шаховской тоже колокол звенел тревожно? И что в итоге? Всего лишь сломался механизм, - парировала Кира, стараясь умерить ажиотаж.

- Да, но тогда вороны вели себя тихо! - не сдавалась Лидия. - А сейчас... Они словно что-то предчувствуют.

София усмехнулась про себя. *Предчувствуют.* Вороны, как и институтки, любили полакомиться слухами. Она окинула взглядом столовую. Лица воспитанниц, от младших до старших, были взволнованы. Даже обычно невозмутимая госпожа Белокрылова казалась немного напряжённой. Бал - это, конечно, важно. Но, возможно, что-то действительно происходит. Что-то, о чём им не говорят. Интрига закручивалась, и София предвкушала, как развернётся эта история.

Она молча слушала их перебранку, ковыряясь вилкой в несъедобной каше. Ей сегодня было не до сплетен - в голове роились совсем другие мысли. Она вспомнила вчерашний разговор с госпожой Белокрыловой, для которого её вызвали к директрисе. Разговор был неприятный, и София чувствовала, что тучи над ней сгущаются.

Вообще, девушка не разделяла всеобщего ажиотажа. Её больше занимали книги и занятия, чем придворные интриги. Она не возлагала на этот бал особых надежд. Да и что ей, сироте, ждать от великого князя? Впрочем, красивое платье и возможность потанцевать ей были приятны, как и любой юной девушке. Но все прекрасно понимали, что главной звездой бала будет отнюдь не Николай, а милая Анастасия, которая всеми силами пыталась выделиться, лишь бы он её заметил - так что у других просто не было шансов.

- Наверное, Настя права - мы не должны поддаваться влиянию, чем бы это ни было, - неожиданно для всех (и для себя в том числе) сказала София. Несколько пар глаз уставились на неё. - Что? Всё это как-то странно. Колокол, вороны, общая атмосфера... Возможно, и в самом деле это погода так действует на нас, - голос Софии дрожал, несмотря на внешнее спокойствие. Она лгала.

- Да, верно, - согласилась Мари, но нахмурилась. Она поддерживала Софию и сейчас не понимала, почему та заняла другую позицию.

- А я считаю, что вы все просто слишком суеверные, - заявила Кира громко, чем привлекла внимание мадам Лебо, дежурившую в столовой. Но добавила тише: - Призраков не существует.

Всё это было неправдой. Все лгали: София, Мари, Настя, госпожа Белокрылова, даже Кира. *Особенно Кира.* Ведь именно из-за неё начались события, информация о которых была тщательно скрыта в архивах института и которые повлекли за собой череду вопиющего, несоизмеримого ужаса, оставившего след на каждой воспитаннице Императорского Института Благородных Девиц. Но об этой истории позже.

Завтрак прошёл в напряжённой атмосфере и до конца трапезы никто больше не затрагивал этот разговор, болтая на отвлечённые темы. После, всё тем же парным строем, воспитанницы отправились на уроки. Литература, математика, история, география, закон божий, этикет. Девушкам не нравилось учиться, хотя некоторые были жадны до знаний. Система образования в женских институтах хромала: юных дворянок готовили к удачному замужеству и службе при дворе (в лучшем случае), а не к стремлению стать умнее или образованнее. Потому и больше внимания уделялось светским наукам - например, как вести себя в обществе, как общаться с мужчинами или как правильно отказать кавалеру. Многие институтки, выпустившись, часто не знали ничего о том, как жить в современном мире и им приходилось долгое время адаптироваться к новым условиям, болезненно и непоправимо.

Уроки были скучные, преподаватели давали информацию сухо, поверхностно, избегая нужных фактов, и девушки, хоть и слушали, особого энтузиазма не выказывали. Но оценки сами себя не заслужат, поэтому иногда приходилось проявлять инициативу, чтобы хоть как-то заработать нужный балл и не оплошать на итоговом экзамене. Пока что лучшей ученицей считалась Анастасия Спасская, но София, которая шла за ней по пятам, имела все шансы занять её место в этой гонке.

В последние дни все мысли воспитанниц были заняты предстоящим балом. Только заканчивалась основная учебная часть, как девушки тут же шли в бальный зал. Из-за того, что им было запрещено общаться с представителями противоположного пола, юным девицам приходилось танцевать в паре друг с другом. Но, если верить словам госпожи Белокрыловой, на праздник прибудут молодые офицеры военного училища - не столько партнёры для вальса, сколько потенциальные женихи для многих старших учениц.

Для репетиций София выбрала себе в пару Киру, ведь та была идеальным кандидатом для неё - стройная, красивая, всегда выполняющая каждый сложный элемент с безупречной точностью и грацией. Кира была немного наивной, любила зачитываться запрещёнными любовными романами, мечтала выйти замуж за обеспеченного дворянина или иностранного дипломата, а также верила в мистику и потусторонние силы. София искренне любила эту девушку, ведь с ней было легко, она никогда не поддавалась соблазну сплетен, как и Настя, но иногда выбиралась с девочками на ночные «вылазки» в дальнюю комнату института, где они предавались тайным оккультным ритуалам и рассказывали друг другу секреты под свет свечей.

- Как ты думаешь, какой он? - спросила Кира, когда они взялись за руки, чтобы сделать незамысловатое па.

- Кто? - не поняла София.

- Великий Князь. Говорят, он невероятно красив, - ответила Кира, ведя подругу в танце. - Наша Настя уже воображает себя его женой.

- Не говори глупостей, - отмахнулась девушка, встретившись с недовольным взглядом мадам Лебо. - Насте до него нет дела ровным счётом никакого, собственно, как и мне, - она понизила голос. - Классная дама смотрит на нас. Замолчи.

Кира фыркнула, но послушалась.

София не любила все эти разговоры о царской семье, считая их пустой тратой времени. Ну, подумаешь, великий князь! Мало ли великих князей? Да, она уважала императора Александра с супругой, его мать - вдовствующую императрицу Марию Фёдоровну, даже его брата Николая, но никогда не понимала, почему вокруг этого имени всегда был такой фанатичный шепоток. Она не трепетала, когда кто-то упоминал цесаревича Николая Павловича, не писала его имя в тетради как что-то ценное и благоговейное, не хранила его портрет в тумбочке у кровати, чтобы каждое утро просыпаться с его ликом и улыбаться непонятно чему. София была выше этого, а Николай, откровенно говоря, раздражал её своим присутствием уже сейчас, ещё не успев приехать. Она хотела сбить с девочек спесь, сказать, что их фантазии детские и глупые, но понимала, что её слова лишь пустой звук перед влиянием этого человека.

Бальный зал превратился в святилище: воспитанницы в бледно-голубых форменных платьях, словно ангелы, кружились по залу под ритм фортепиано. Люстры в стиле ампир, подсвеченные десятками свечей, создавали иллюзию сияющего рая. Мадам Лебо, строгая и неумолимая в обычной жизни, здесь казалась смягчённой, почти доброжелательной. Она пристально следила за движениями каждой пары, изредка делая замечания и поправляя осанку. София чувствовала на себе её взгляд и старалась танцевать безупречно, демонстрируя грацию и отточенность движений. Любая ошибка, любая небрежность могли стоить ей репутации и лишить шанса на выгодную партию. Ведь бал - это не только развлечение, но и ярмарка невест, где каждая девушка должна продемонстрировать все свои лучшие качества.

Позже, когда репетиция подошла к концу, а мадам Лебо осталась довольна успехами воспитанниц, девушки разошлись по своим дортуарам.

Наступал час личного времени институток, в которое они могли заниматься своими делами - вышивать, в основном. Читать было запрещено (кроме школьной литературы), поэтому девушки часто придумывали что-то своё, некие игры. Но сейчас они ждали заветного часа, когда смогут незаметно покинуть покои и пробраться в ту самую заброшенную комнату, чтобы завершить свой ритуал по вызову суженого.

В дортуаре их уже ждала Вера Лунина, пепиньерка института, которая принесла корзинку различных сластей. Несмотря на запрет воспитанницам покидать стены заведения без разрешения, пепиньерка могла делать это почти беспрепятственно, вед она была если не полноправным членом состава преподавателей, то помощницей директрисы уж точно, а потому та часто посылала её с различными поручениями в город и Вера не вызывала подозрений. Она служила институту уже второй год в качестве пепиньерки и по истечении третьего сможет преподавать для будущих воспитанниц, ведь она отдала этому делу свою жизнь и призвание. Вера носила коричневое шерстяное платье с воротником, и белый передник, а её тёмные волосы всегда были идеально уложены в высокую сложную причёску. Вообще, она была образцом примерности и красоты: прямая осанка, строгий, но мягкий взгляд, и воспитанницы просто обожали её (не только за то, что Вера носила им вкусности или тайно передавала книги и письма), ведь она была простая. В отличие от тех же классных дам и уж тем более инспектрис и госпожи Белокрыловвй, пепиньерка спокойно могла разговаривать с девушками на отвлечённые темы, смеяться, и сама относилась к ним как к младшим сёстрам - с теплотой и любовью.

Вера стояла скромно, глядя куда-то сквозь пространство, в пальто, будто только что пришла с улицы, и в шляпке, а в руках держала плетёную корзинку. Увидев вошедших девиц, она улыбнулась.

- Ох, Верочка! Вас же увидят! - воскликнула удивлённо Китти - Катерина Смолина, подбегая к пепиньерке.

- Я принесла вам то, что вы просили, - сказала Вера, ставя корзинку на небольшой столик у входа. - Здесь фрукты, булочки, немного восточных сладостей и дорогое мыло, - указала на свою ношу, затем оглядела девочек. - Для Лидии письмо, для Китти - посылка от маменьки.

- Спасибо тебе большое, Верочка, - сказала Китти, обнимая девушку, отчего та смутилась.

- Спрячьте, а не то мадам Лебо увидит, -добавила Вера строго. - София?

София, услышав своё имя, оживилась. Она не ждала, что ей тоже что-то передадут, но, видимо, у Веры для неё всё же что-то было. Она подошла.

- Что-то... для меня? - спросила она удивлённо. Вряд ли тётка захотела бы ей что-то отправить - они были не в лучших отношениях, но та иногда вспоминала о нерадивой племяннице и могла прислать открытку к Рождеству или на день рождения, но не более.

- Подарок, - Вера улыбнулась, доставая бумажный свёрток из кармана пальто. - Это от меня.

София взяла его в руки: тяжёлый. Она смутно понимала, что там была книга, но мысли крутились вокруг одного - почему Вера решила сделать подарок именно ей?

- Это... неожиданно. Ты уверена? - спросила она.

- Да. Я знаю, что тебе такое нравится, - ответила девушка и подмигнула. - Только пообещай, что никому не дашь её в руки, это очень редкий и ценный экземпляр.

- Да. Да, конечно...

София держала свёрток, как что-то драгоценное, но любопытство взяло верх и она чуть-чуть приподняла край крафтовой бумаги. Это действительно оказалась книга - в матовой обложке, старинная, с золотым тиснением, об оккультизме. Такого фолианта в самом деле было нигде не найти в России, потому что книги подобного содержания считались дьявольскими, и потому были запрещены. Но как Вере удалось раздобыть такой дар? София была бесконечно благодарна ей.

- Девочки, я знаю, что у вас сегодня «сеанс» - поторопитесь, - сказала пепиньерка, кивая в сторону двери. - Через час придёт мадам Лебо, чтобы проверить вас.

- Ты сегодня не присоединишься к нам? - спросила Кира, закидывая в рот виноградину.

Вера улыбнулась.

- К сожалению, нет. Много дел, нужно помочь госпоже Дадиани в её кабинете, - ответила она. - Но вы же потом расскажете мне, что было?

- Конечно, - сказала Лидия.

Вера взглянула на часы и, спешно попрощавшись, вышла.

Воспитанницы приступили к подготовке к ритуалу: распустили волосы, сменили форменные платья на ночные сорочки, зажгли свечи.

- Готовы? - шёпотом спросила Мари.

- Да, - ответила София.

Анастасия закатила глаза. Она никогда не участвовала в этом, потому что считала такие увлечения детскими играми, но почему-то не спешила сдавать девочек директрисе, хотя давно могла. Возможно, её гордость не позволяла пойти на такое, а возможно, она просто ждала повода, чтобы шантажировать - кто знает.

- Может, ты всё же с нами? Просто посидишь рядом, - попробовала вновь уговорить девушку Кира.

- Нет и не проси, - сказала та. - Но если вы попадётесь инспектрисе, я вас выгораживать не буду.

- Ничего ты не понимаешь, Настя, - осуждающе произнесла Китти.

Девушки вышли.

Коридоры в это время были пусты, потому что большая часть воспитанниц уже спали, но иногда был слышен стук каблуков по паркету и тихий шёпот - это классные дамы проверяли спальни и был риск попасться. Однако, девочки ходили этим путём часто и уже знали все лазейки. Кабинет находился в дальнем крыле, куда редко кто ходит, и потом обнаружить их тайное убежище было сложнее. Даже Настя, которая грозилась рассказать всё инспектрисе, не знала, где именно находится это место.

Когда, наконец, они добрались, то вздохнули с облегчением. Кабинет был пустой, заваленный старой мебелью, которая от времени покрылась толстым слоем пыли. В центре стоял круглый стол - девушки специально его сюда выдвинули, чтобы могли уместиться все. На столе лежало старинное овальное зеркало в позолоченной деревянной раме, а вдоль стола, аккурат напротив мест, где сидели воспитанницы, стояли свечи. Убедившись, что за ними никто не шёл, девушки сели.

София положила книгу рядом с собой, которую захватила «на всякий случай», хотя все понимали, что сегодня ритуал будет другой.

- Итак, кто сегодня ведущий? - спросила Мари, поправляя свечи.

- София, конечно. У неё же теперь есть... та самая книга, - с загадочной улыбкой ответила Кира, кивая в сторону заветного свёртка. Она видела, как Вера передала ей его, и теперь хотела, чтобы София показала книгу.

София сглотнула, ощущая внезапное волнение. Она никогда раньше не вела сеансы, но знала все тексты мессы наизусть. Глубоко вздохнув, она взяла свёрток и аккуратно содрала остаток бумаги, выкладывая перед всеми книгу. Страницы пахли свежей бумагой, типографской краской и чем-то сладковато-горьким вроде миндаля, что было странно, но никто не придал этому значения. София заметила, как трясутся её руки, как потеют ладони... Она знала, что Кира сделает это лучше неё, но сама предпочитала быть ведомым, а не ведущим.

- Я... боюсь, - она сглотнула. - Пусть сегодня Кира проведёт ритуал.

- Но... - начала Мари.

- Ты же знаешь, нельзя нарушать порядок! Иначе духи разозлятся, - шёпотом сказала Китти. - Пусть София читает заклинание, а Кира держит книгу. Можно же?

- Это не будет нарушением правил, - подтвердила Мари, кивнув. - София?

Та лишь кивнула, пододвигая книгу Кире. Девушка с восхищением и завистью смотрела на необычный подарок, осторожно, словно держит дитя, провела пальцем по корешку. Затем распахнула, пробежалась глазами по содержанию выискивая нужную главу, и открыла на странице с заклинанием. Язык был неизвестным, витиеватым, но София, казалось, будто подсознательно понимала текст.

Сглотнув ком в горле, София взяла Киру за руку и девушки повторили за ней. Она начала тихо, следя за пальцем подруги, который водил по строчкам, и голос её дрожал, но постепенно становился увереннее. Свечи замерцали, а воздух вокруг вокруг них словно загустел. София закрыла глаза, пытаясь представить себе то, что они хотели вызвать. Обычно ничего не происходило, просто приятное покалывание в руках и ощущение лёгкости. Но сегодня было иначе.

- *Spiritus noctis, spiritus lunae,*

Veni ad nos per speculum,

Ostende nobis quid futurum sit!

(Духи ночи, духи луны,

Явитесь нам через зеркало,

Покажите грядущее!)

Внезапно, одна из свечей погасла. Девушки вздрогнули. В комнате повисла гнетущая тишина, нарушаемая только тихим потрескиванием остальных свечей. София остановилась, испуганно глядя на подруг. Мари схватила её за руку.

- Продолжай, - прошептала она. - Нельзя останавливаться.

София продолжила. Она чувствовала, как постепенно её сознание утекает, словно она впадает в транс, звуки смешиваются в один, а собственный приглушённый голос звучит как-то неестественно, будто отдалённо, сквозь толщу воды. Послышался тихий шёпот, который,

казалось, исходил отовсюду сразу. София ощутила, как её руки сжимаются сильнее, и поняла, что остальные напуганы не меньше.

Неожиданно вскрикнула Мари, показывая пальцем на зеркало. Там, словно из ниоткуда, появился силуэт. Он был размытым и нечётким, но было ясно, что это человеческая фигура. Шёпот усилился, став более отчётливым и зловещим. София вздрогнула - воздух в комнате стал гуще. Ритуал вышел из-под контроля.

- Мамочки... - воскликнула Кира и резко отдёрнула руку, словно обжёгшись. На страницу упала алая капля. Девушка поднесла руку к лицу и заметила на пальцах кровь, которая тонкой струйкой стекала из её ноздри. - Я...Мне надо...

И, не говоря ни слова больше, Кира выбежала из кабинета, но София успела рассмотреть в её взгляде дикий ужас. От этого стало не по себе всем.

Силуэт в зеркале стал ещё отчётливее, живее и сквозь стекло проступила Её фигура. *Белая Дама.* Местная легенда гласила, что пятьдесят лет назад, почти сразу с основания института, в его стенах погибла юная воспитанница, влюбившаяся в неугодного человека. Она забеременела от него и это стало известно начальнице и, чтобы избежать позора, девушке предложили два варианта: избавиться от нежелательного плода, либо покинуть институт, отправив весь свой род в опалу. Но она выбрала третий - продолжить учиться. Однако, когда скрывать положение стало невозможно, девушку насильно отправили в закрытую лечебницу, где она успешно родила, но её моральное состояние было подорвано: за несколько месяцев, на глазах врачей, она превратилась из юной прелестницы в старуху, без остановок твердя лишь имя своего возлюбленного. Она быстро старела, не ела и лишь царапала стену, пытаясь выбраться. Организм не выдержал и вскоре она умерла, так и не оправившись от случившегося. С тех пор её призрак живёт в институте как напоминание о том, к чему может привести непослушание.

Белая Дама всегда являлась в белом платье, словно была готова хоть сейчас отправиться под венец. Но, по поверьям (которые, как и легенда, разрастались с годами от воспитанницы к воспитаннице), если на призраке были чёрные перчатки, это грозило неминуемой смертью; если красная лента - большой любовью, а если однажды увидеть её лицо, скрытое белой вуалью, то увидевший мог моментально лишиться рассудка. Но так как никому до этого не удавалось так близко повстречаться с мистической Дамой, то никто особо в эти приметы и не верил. До сегодняшнего вечера.

Девушки, казалось, не дышали. Страх сковал их движение. Но тут раздался голос, глухой, скрипучий, из недр, старческий:

- Вы осмелились нарушить мой покой. Вы знаете, что случается с теми, к кому я являюсь?

- Мы... - начала Мари, её голос был тих. - Мы хотели лишь попросить кое-что.

Резко вспыхнула одна свеча. Затем ещё, и зажглись остальные свечи, осветив комнату тусклым, желтоватым светом.

- Попросить... И что же вы хотели попросить?

- Покажи суженого, - также тихо сказала Лидия, набравшись храбрости, Она смотрела немигающим взглядом на свою свечу. - Придёт ли?

Подул лёгкий ветерок, словно кто-то открыл окно - но окна здесь не было. София почувствовала, как волосы на затылке встали дыбом. В зеркале Белая Дама чуть наклонила голову, словно прислушиваясь. Шёпот стих, уступив место зловещей тишине.

Белая дама начала медленно выходить из зеркала. Ткань её платья шуршала, словно сухие листья, а запах старого погреба и плесени заполнил комнату, пропитал одежду, проник, казалось, в каждую клетку. Лица её всё ещё не было видно под плотной вуалью, но София чувствовала на себе её леденящий взгляд.

- *Я хотела любви,* - прошептала Дама. - *Я верила в сказки. И что я получила взамен? Предательство, боль и вечное заточение в этом проклятом месте. Вы действительно хотите повторить мою судьбу?*

Лидия молчала, не отрывая взгляда от свечи - казалось, она упорно пытается не смотреть на призрак, не может принять реальность происходящего. Мари сглотнула, пытаясь справиться с дрожью в коленях. Сердце бешено колотилось в груди, готовое вот-вот выпрыгнуть. София же понимала, что они зашли слишком далеко, разбудили то, что лучше бы оставалось похороненным в прошлом.

Белая Дама протянула руку и Мари увидела, что на ней чёрные перчатки. Ужас пронзил её, словно удар током. Она попыталась оттолкнуть подругу, предупредить, но тело словно окаменело, и девушка осознала, что их ритуал превратился в смертельную игру.

- *Суженый... Придёт...* - проскрипел голос из зеркала. - *Но не для всех. Любовь всегда требует жертв. Готовы ли вы заплатить?*

Девушки молчали, впервив взгляды в мерцающее зеркало. София чувствовала, как страх парализует её, не позволяя сдвинуться с места. Слышны были лишь редкие всхлипы Китти, да прерывистое дыхание Лидии. Атмосфера в комнате накалилась до предела и казалось, воздух можно было резать ножом.

Свечи начали мерцать всё сильнее, комната заполнилась густым туманом, а из зеркала вырвался ледяной ветер, который словно пронизывал до костей.София зажмурилась, не в силах вынести этот холод. Когда она снова открыла глаза, комната была пуста. Лишь зеркало тускло отражало её испуганное лицо, а свечи горели ровным пламенем, словно ничего и не произошло.

- Это ч-что было? - спросила перепуганная Китти.

- Наша смерть, - тихо проговорила Мари, встретив обеспокоенный взгляд Софии. - На Даме были чёрные перчатки.

Внезапно свеча на месте, где ранее сидела Кира, резко потухла. И где-то вдалеке института раздался дикий вопль - кричали голосом Веры.

Девушки, потушив свечи, поспешили покинуть проклятое место. Уже было неважно, увидит их кто-то или нет, главное, как можно скорее убраться отсюда. За окном была глубокая ночь, и лишь одинокая луна освещала их путь, словно немой свидетель ужаса.

Когда они оказались в основной части института, то увидели небольшую толпу у входа во внутренний двор. Подойдя ближе, София увидела то, на что с таким испугом и растерянностью смотрели зрители. В саду, у фонтана, прижимая руки ко рту в сдерживаемом крике, стояла пепиньерка, её глаза отражали первобытный ужас и бурю, а плечи подрагивали от скрываемых рыданий. И тогда София осмелилась перевести взгляд дальше, на сам фонтан. Там, у подножия бортика, бледная, с открытыми пустыми глазами и раскинутыми в неестественной позе руками, лежала Кира. Она была мертва.

Но, убегая, институтки не заметили, что зеркало покрылось мелкими трещинами, словно кто-то изнутри пытался его разбить. Исчезла подаренная Софии книга, а страница с заклинанием была вырвана. Повсюду была кровь.

Белая Дама вышла на охоту.

Глава 2

Воздух стал гуще от липкого, леденящего душу страха, сковывающего конечности. В это было сложно поверить, но факт оставался фактом: Кира мертва. София почувствовала, как земля уходит из-под ног. Холод пронзил её насквозь, затмевая даже животный ужас, охвативший остальных. Это не могло быть правдой - не после всего, что произошло. Ритуал, задуманный как невинная игра, обернулся кошмаром, от которого невозможно проснуться. Девушка бросила взгляд на Мари, её лицо было мертвенно-бледным, губы дрожали. Китти рыдала, уткнувшись в плечо Лидии, которая, казалось, окаменела от увиденного.

Шум толпы вокруг них словно доносился издалека. Сознание Софии фокусировалось на одной мысли: перчатки. Точнее, на Белой Даме в чёрных перчатках. Это было предупреждение, предчувствие, которое они проигнорировали, приняв за жуткую шутку. Но теперь шутка обернулась трагедией, а легенда стала явью.

Внезапно Вера закричала, сорвав голос, и упала на колени рядом с телом Киры. Её крики разорвали ночную тишину, эхом отдаваясь в стенах института. София понимала, что нужно что-то делать, но парализующий страх не отпускал её. Мозг отказывался воспринимать реальность, отчаянно пытаясь убедить себя, что это всего лишь кошмарный сон.

Лидия, собравшись с силами, попыталась поднять Веру на ноги, привести в чувство, но та отчаянно сопротивлялась, отталкивая её слабой рукой.

- Она забрала её! Она забрала её! - истерично повторяла Вера сквозь слёзы и рыдания. София знала, что они должны бежать как можно дальше от этого проклятого места, но не могла оставить Веру одну. По крайней мере, сейчас, когда пепиньерка стала свидетелем разворачивающегося хаоса.

Тогда София решила взять всё в свои руки, несмотря на всё ещё клокочущий панический ужас в душе, на дрожащие конечности, на бешено колотящееся сердце и холодок на затылке, она подошла к девушке и осторожно коснулась её плеча. Вера вздрогнула и обернулась, глядя

на неё глазами, полными безумия. В них плескался такой ужас, что Софии стало по-настоящему страшно. Она обняла пепиньерку, прижимая к себе, пытаясь хоть немного успокоить.

В этот момент, словно в ответ на её ранее сказанные слова, порыв ледяного ветра пронёсся по двору, гася немногочисленные свечи и фонари, погружая всё вокруг в кромешную тьму. И где-то совсем рядом, в этой жуткой незащищающей темноте, раздался тихий, знакомый шёпот:

- *Скоро увидимся...*

София снова поймала взгляд Веры. В нём, помимо скорби, был немой вопрос. Она знала, что произошло что-то ужасное, что-то, связанное с тем самым ритуалом. И София понимала, что им придётся столкнуться с этим вместе, чтобы выжить и, возможно, попытаться исправить то, что они натворили. Но как? С чего начать? Вопросов было больше, чем ответов, а страх с каждой минутой усиливался.

Нужно было что-то делать, но что? Рассказать кому-то о ритуале? Никто не поверит в эту чушь. А если и поверят, то сочтут их сумасшедшими. Но молчать тоже нельзя. Белая Дама не остановится на одной жертве.

София посмотрела на своих подруг: Лидия, Китти, Мари - они все были в опасности. Девушка знала, что должна защитить их и защититься сама, но как? Она не знала, как бороться с призраком из зеркала, но должна была найти способ. Ради Киры. Ради них всех.

Мари, всегда такая смелая и уверенная в себе, сейчас дрожала как осиновый лист. Лидия, обычно спокойная и рассудительная, смотрела на тело Киры с остекленевшим взглядом. Китти же стояла практически в полуобморочном состоянии, не в силах выдержать зрелище.

На мгновение, Софии показалось, что она снова видит Белую Даму, стоящую у фонтана, но это был лишь обман зрения, вызванный шоком. Она вспомнила слова призрака о жертве - неужели это и была та цена, которую они должны заплатить за своё любопытство? Мари знала. Они все знали, но никто не придал этому значения, погрязнув в предвкушении таинственного суженого. Теперь же, суженый превратился в палача, а любовь потребовала первую жертву.

- Что здесь происходит? - раздался за спиной холодный голос госпожи Белокрыловой.

Воспитанницы расступились, пропуская директрису вперёд. Её взгляд не выражал ничего хорошего, но на мгновение в нём проскользнул ужас, когда она увидела плачущую Веру и тело бездыханной Киры, и тут же во взгляде снова появилась сталь, когда она повернулась к девушкам:

- Надеюсь, Вы оказались здесь случайно и никак не связаны с данным... происшествием? - она говорила чётко, смотря прямо в глаза Софии, будто обвиняя её в случившемся.

- Нет, ma^am, мы просто... - София прикусила язык, поняв, что оправдания бессмысленны. - Нет.

- Немедленно возвращайтесь в дортуар. Я поговорю с Вами завтра, - приказала госпожа Белокрылова тоном, не терпящим возражений. - И ни слова о том, что произошло. Ступайте же.

София почувствовала, как ледяная волна страха обрушилась на неё с новой силой. Слова директрисы звучали не как приказ, а как смертный приговор. Это означало, что госпожа Белокрылова знала или подозревала нечто большее, чем просто несчастный случай. Или пыталась замять скандал любой ценой.

Словно стадо испуганных овец, девушки молча двинулись в сторону дортуара. Их шаги были тяжёлыми, заплетающимися, а спины гнулись под невидимым грузом вины и страха. Крик Веры всё ещё стоял у них в ушах, сливаясь с эхом колокола, который теперь казался похоронным звоном. Образ Киры, лежащей у фонтана с пустыми, застывшими глазами, преследовал их, навязчивый и жуткий. Воздух в коридорах, обычно пропитанный запахом лаванды и пыли, теперь отдавал сыростью подвала и чем-то металлическим, едва уловимым - запахом крови.

Они миновали порог. Тяжёлая дубовая дверь захлопнулась за ними, отрезав жуткую картину двора, но не принеся облегчения. Внутри института царила неестественная тишина, нарушаемая лишь их собственными шагами и прерывистым дыханием Китти. Даже привычный скрип паркета под ногами звучал зловеще громко. Стены, прежде казавшиеся надёжной защитой, теперь давили, храня в себе вековые тайны и только что обретённую, кровавую. Зеркала в тёмных нишах коридоров отражали их бледные, искажённые страхом лица, и Софии чудилось, что в их глубине мелькает белое пятно в чёрных перчатках.

Они шли молча. Каждая была погружена в свой собственный кошмар и хаос мыслей. София думала о Кире: о её смехе во время танца, о наивных мечтах о великом князе, о её тёплой руке, державшей ту проклятую книгу. А теперь были лишь холод, пустота и фонтан. Думала о Белой Даме и её словах про жертву во имя любви. Неужели этой первой, обязательной жертвой стала Кира? И кто следующий: Мари? Китти? Лидия? Или она сама?

В дортуаре было темно и холодно. Никто не зажёг свечу. Девушки молча легли на кровати, словно приговорённые. И без того тонкое одеяло не согревало, лишь подчёркивало холод, идущий изнутри.

- Это мы... - прошептала Китти, её голос сорвался на рыдания. Она уткнулась лицом в подушку, заглушая всхлипы. - Это мы виноваты! Мы её убили!

- Замолчи! - резко, с непривычной для неё жёсткостью, оборвала Мари. Она сидела на своей кровати, обхватив колени руками и смотрела в темноту широко открытыми, невидящими глазами. - Никто не должен знать, поняли? Ни слова о том месте. О зеркале. О... *Ней.*

София молчала. Она лежала на спине, уставившись в потолок, который терялся во мраке. Её тело всё ещё пробивала мелкая дрожь, она чувствовала не только страх, но и гнетущее чувство вины. Это она согласилась на новый ритуал. Она поддалась уговорам. Она открыла книгу и прочла заклинание. Книга... Куда она исчезла? В спешке они не заметили. Страница была вырвана. Зеркало треснуло. Это не случайности - это были знаки предупреждения... или отметины.

- Чёрные перчатки, - прошептала София в темноту, и все вздрогнули, будто она произнесла страшное проклятие. - Она пришла в чёрных перчатках. Для Киры... это был конец. А для нас?

- Не говори! - почти закричала Лидия, впервые заговорив. Её голос был хриплым от сдерживаемых слёз. - Не говори об этом! Может... Может, это несчастный случай? Может, Кира оступилась? Упала? От испуга?

- Госпожа Белокрылова смотрела на Софию, - тихо сказала Мари, её голос звучал отстранённо. - Как будто она знала. Или догадывалась.

- Она не может знать! - запаниковала Катерина. - Никто не знает! Только мы... и Вера.

Вера. Пепиньерка, которая принесла книгу. Которая знала об их «сеансах». Которая была в эпицентре ужаса. Что с ней теперь? София представила её бледное, искажённое страхом лицо, её рыдания. Вера была связью с внешним миром, с добротой и нормальностью. Теперь эта связь была порвана кровью и безумием. Что она скажет? Сможет ли молчать? Или её истерика выдаст их?

Внезапно где-то вдалеке, в глубине здания, раздался протяжный, леденящий душу стон. Он был нечеловеческим, полным такой тоски и боли, что по коже пробежали мурашки. Девушки вжались в подушки, затаив дыхание. Стон повторился - ближе, словно проходя сквозь стены, и затих, оставив после себя гнетущую тишину, ещё более страшную, чем сам звук.

- Это *Она*? - еле выдохнула Катерина-Китти, стуча зубами от страха.

София прислушалась. Тишина была абсолютной. Даже привычные ночные шорохи института замолкли, будто затаившись - казалось, будто само здание замерло в ожидании. Девушка поднялась на локте и посмотрела в сторону окна. Лунный свет слабо пробивался сквозь занавеску, рисуя на полу причудливые тени. Одна из теней у стены - она показалась Софии неестественно густой и высокой - почти человеческого роста. Она вгляделась: тень не двигалась, но казалось, наблюдает.

- Надо поговорить с Верой, - решительно сказала София. - Она что-то знает. Надо понять, что именно. Может быть, она знает, как остановить это. Или хотя бы защититься, - голос Софии звучал более уверенно, чем она себя чувствовала. Страх сковывал, но мысль о бездействии, о пассивном ожидании смерти, была ещё страшнее. Она вспомнила холодную красоту своего отражения, ту пустоту и страх в зеркале после ритуала. Она не хотела умирать. Не так. Не от рук призрака, вызванного их же глупостью.

Внезапно дверь дортуара тихо скрипнула. Все девушки вздрогнули и замерли. В проёме, слабо освещённая тусклым светом из коридора, стояла Настя Спасская. Она не спала. Её взгляд был ясным, холодным и подозрительным. Она медленно оглядела кровати, останавливаясь на каждой фигуре, особенно долго - на Софии и Мари.

- Где Кира? - спросила Настя ровным, бесстрастным голосом. - Её кровать пуста.

Вопрос повис в ледяном воздухе. Девушки молчали, не в силах вымолвить ни слова. Ужас происшедшего и страх перед Настиной проницательностью сковали языки.

Девушка шагнула внутрь. Её тень легла на пол, длинная и угрожающая.

- Я слышала крики, - продолжила она, подходя ближе к кровати Софии. Её глаза сверкали в полумраке. - Видела, как вас гнали обратно госпожа Белокрылова и Лебо, и как эта пепиньерка... Вера... Была вне себя. А потом - стон. - Она сделала паузу, давая словам проникнуть в самое нутро. - Что вы натворили? Что за игру в дьявола вы затеяли на этот раз? И почему... - её голос стал тише, но от этого только опаснее, - почему Кира заплатила за это первой?

София почувствовала, как кровь отливает от лица. Настя знала. Не всё, но догадывалась. И использовала этот момент. В её глазах не было сочувствия, только холодный расчёт и предвкушение. Бал с Великим Князем был близок, и любая тень на репутации соперниц - особенно на репутации Софии, которая шла за ней по пятам в учёбе - была ей на руку. Смерть Киры была трагедией, но для Насти она могла стать возможностью.

- Мы ничего не знаем, - с трудом выдавила из себя София, отводя взгляд. - Мы спали.

Настя усмехнулась - короткий, сухой, неприятный звук.

- Конечно, спали. Как и всегда, когда вокруг творятся странности. - Она обвела их всех презрительным взглядом. - Утром будет расследование. Госпожа Белокрылова будет задавать вопросы. И инспектриса тоже. И я очень надеюсь, - её голос стал ледяным, - что ваши ответы будут... безупречны. Ради вашего же блага. И ради чести Института. Особенно перед балом. - Она бросила последний многозначительный взгляд на Софию. - Спокойной ночи, mesdames. Если она, конечно, будет спокойной.

Настя развернулась и вышла, тихо прикрыв за собой дверь. Её уход не принёс облегчения - напротив, в комнате повисла ещё более тяжёлая тишина. Угроза Насти была ясна: молчите, или я уничтожу вас. Бал, Великий Князь, честь Института... всё это было важнее жизни одной из воспитанниц и страхов других.

София закрыла глаза. Перед ней стояли образы: мёртвая Кира, искажённое ужасом лицо Веры, тень Белой Дамы в углу, холодные глаза Насти. Они были в ловушке. Между призраком, жаждущим мести, и человеческой жестокостью, жаждущей власти и положения. Завтра начнётся расследование. Завтра им придётся лгать. Завтра им придётся смотреть в глаза госпоже Белокрыловой, инспектрисе, возможно, даже полиции. А ночью... ночью Она могла придти снова. За следующей жертвой. За Мари? За Лидией? За Китти? За ней самой?

Где была книга? Кто вырвал страницу? Что увидела Вера? И как остановить Белую Даму, прежде чем она заберёт их всех?

София обхватила себя руками, пытаясь сдержать дрожь. Ноябрьское утро казалось таким далёким. Тогда она чувствовала лишь смутную тревогу - сейчас же она знала: ужас пришёл в Императорский Институт Благородных Девиц. И он только начинался. Долгая, полная неясных предчувствий ночь тянулась бесконечно, а рассвет сулил не облегчение, а лишь новую волну страха и необходимость лжи. Бал с Великим Князем, который должен был стать праздником, теперь висел над ними, как дамоклов меч, последнее яркое событие перед неминуемой катастрофой, которую они сами навлекли на свои головы.

- Нет, - София с трудом подняла голову. Глаза её были сухими и горящими. Страх начал кристаллизироваться в нечто другое - в ярость и решимость. - Вина на всех. Нас было пятеро. И на той, кто дал нам книгу - на Вере.

Имя пепиньерки заставило Мари вздрогнуть.

- Вера... Она знала? Эта книга, откуда она у неё? И почему именно тебе?

Вопросы висели в воздухе, тяжёлые, как свинец. София тщательно скрывала своё увлечение оккультными трактатами, читая их украдкой, пряча под матрасом. Кто мог ей рассказать? Или Вера сама интересовалась этим? А книга - такая редкая, запретная - откуда она у скромной пепиньерки?

София подошла к своему окну. За толстыми стёклами царила всё та же удушающая позднеосенняя ночь. Туман, как змея, струился по земле, скрывая сад, фонтан и то, что происходило там сейчас. Она не видела, но чувствовала: там заворачивали в грубое полотно тело её подруги, уводили Веру, госпожа Белокрылова отдавала приказы о молчании.

Где-то в глубине здания, словно сквозь сон, снова донёсся глухой, протяжный удар колокола. Один. Торжественный. ***Погребальный.*** Он эхом отозвался в пустоте, внезапно образовавшейся в груди Софии. Это был не просто звон. Это был отсчёт. Отсчёт до следующей жертвы. Белая Дама вышла на охоту и её шлейф уже протянулся во тьме, выбирая новую цель.

София обхватила себя руками, пытаясь согреться, но холод шёл изнутри, из самой глубины её души, пронизанной страхом и предчувствием неминуемого ужаса. Утро больше не казалось спасением. Оно несло лишь продолжение кошмара. Стены института превратились в ловушку, а они - в загнанную дичь. И первая уже пала.

Девушки разошлись по кроватям, погасили свечи. Но сон не шёл ни к кому. Темнота казалась живой, враждебной. Каждый шорох, каждый скрип половицы заставлял сердца бешено колотиться. София лежала, уставившись в потолок, сжимая край тонкой простыни. Мысли крутились, как бешеные мухи: Вера, её ужас, слова, зеркало с трещинами, силуэт в белом, перчатки, Кирин вопль, оборвавшийся навеки. И этот леденящий шёпот, эхом отталкивающийся от стен...

Утро дало новую волну страха, тщательно скрываемого под маской институтской дисциплины. Весть о смерти Киры Грац облетела институт молниеносно, несмотря на приказ директрисы молчать. Говорили шёпотом: упала, разбилась, сердце. Но в глазах воспитанниц читалось не только горе, но и немой вопрос, подозрение. Многие слышали крики Веры, видели, как вернулись София, Мари, Лидия и Китти - бледные, как привидения. Атмосфера была наэлектризована. София искала глазами Веру, но пепиньерки не было видно. Сердце сжалось от тревоги.

Внезапно, нарушив скорбную тишину, в столовую вошла директриса - в новом дорогом платье, явно купленном накануне. Её взгляд выражал превосходство и власть, но в нём не было ни капли грусти или чего-то, что могло бы напоминать её привязанность к Кире.

- Доброе утро, mesdames! - её голос резал тишину. - Как Вы знаете, вчера вечером случилась трагедия с одной из наших воспитанниц - Кирой Грац. Поэтому у меня есть небольшое

объявление, - её взгляд скользил по девушкам, словно вычисляя, кто мог быть причастен к случившемуся. - Полиция не будет вести расследование по этому делу. Причина этой... печальной нелепости - несчастный случай. Юная мадемуазель Грац оступилась, ударилась головой и потеряла сознание. Институт живёт в обычном режиме. Бал в честь Великого Князя Николая Павловича состоится, как и планировалось. Траур будет соблюдён в душах, но не в действиях. Институт должен демонстрировать стойкость и благочестие. - Она посмотрела на Софию, и их взгляды внезапно встретились. - И помните: любые разговоры о произошедшем, любые сплетни будут караться самым строгим образом - вплоть до исключения. Ваша задача - учиться, молиться и готовиться к балу, а не забивать себе голову всякими страхами. Всем хорошего дня.

Госпожа Белокрылова ещё что-то сказала классной даме, а затем, не взглянув на воспитанниц, вышла. В столовой повисла тишина, ещё более давящая и удушающая. София сидела в недоумении: несчастный случай?! Смерть Киры, которую даже не стали расследовать, была несчастным случаем! В это верилось с трудом, ведь они знали правду, знали, что именно убило её. Но, видимо, имидж института был важнее, чем гибель одной из дворянок. Ну конечно - иначе бы среди высшего света разразился такой скандал, что Белокрыловой бы долго пришлось объяснять, как она допустила такое в своём институте. Проглотив возмущение, София уткнулась в тарелку, решив, что разберётся с этим позже.

После завтрака, когда воспитанницы строились парами для перехода в классы, к Софии подошла суровая фигура мадам Лебо.

- Госпожа директриса желает вас видеть, мадемуазель Оболенская, - произнесла она ледяным тоном. - Немедленно. Остальные - на урок Закона Божьего.

Сердце Софии упало: пришло время расплаты. Или - допроса. Мари бросила на неё испуганный взгляд, но София едва заметно кивнула, мол, я справлюсь.

Кабинет директрисы был просторным, строгим, с портретом императора Александра на стене. Она сидела за массивным письменным столом. Её лицо было усталым, но непроницаемым. Рядом стояла госпожа Дадиани, инспектриса, женщина с острым, как бритва, взглядом и репутацией безжалостной следопытки. Она была довольно строгой, но справедливой и иногда позволяла воспитанницам поблажки. Но, как и все в институте, она больше всего боялась влияния Белокрыловой, которая в одночасье могла решить её судьбу. В углу, на стуле, сидела Вера. Глаза её были красными от слёз, лицо - мертвенно-бледным,а руки судорожно сжимали платок. Она не смотрела на Софию.

- Мадемуазель Оболенская, - начала директриса, отложив перо. Её голос был ровным, но в нём чувствовалась сталь. - Вы понимаете, почему Вас вызввали?

- В связи с трагической кончиной Киры Грац, мадам? - ответила София, стараясь держать спину прямой, а голос - ровным.

- Именно. Вы были среди тех, кто обнаружил тело? - госпожа Белокрылова сделала паузу, подбирая слова.

- Мы услышали крик пепиньерки Веры Луниной и выбежали во двор, мадам, - ответила София осторожно. - Увидели мадемуазель Лунину в состоянии сильного потрясения и... Киру у фонтана.

- И что Вы делали во дворе в столь поздний час? - вступила госпожа Дадиани, её пронзительный взгляд буравил Софию, а мягкий грузинский акцент обволакивал слух. - Дортуар запирается в десять. Инцидент произошёл ближе к полуночи.

София почувствовала, как по спине пробежал холодный пот. Ложь должна быть безупречной.

- Мы не могли уснуть, мадам, - сказала она, опустив глаза, изображая смущение. - Скверная погода, нервы. Мы вышли в умывальную комнату попить воды. Услышали крик и не смогли остаться в стороне. Это была мгновенная реакция. Мы понимаем, что нарушили правила.

Госпожа Дадиани недоверчиво хмыкнула. Госпожа Белокрылова перевела взгляд на Веру.

- Мадемуазель Лунина, Вы подтверждаете слова мадемуазель Оболенской? Вы видели их в умывальной перед тем, как выйти во двор?

Вера вздрогнула, подняла заплаканные глаза. Взгляд скользнул по Софии - в нём был не только страх, но и что-то ещё. Предупреждение? Мольба?

- Я не обратила внимания, госпожа директриса, - прошептала она. - Я вышла подышать свежим воздухом, почувствовала себя нехорошо и увидела... - Голос оборвался, она снова зарыдала в платок.

- Успокойтесь, мадемуазель Лунина, - строго сказала директриса, но в её тоне не было сочувствия, лишь раздражение. Она снова посмотрела на Софию. - Очень удобное объяснение. Четверо воспитанниц одновременно не могут уснуть и выходят в умывальную? И именно в ту минуту, когда происходит трагедия? Вы ничего необычного не слышали до крика, ничего не видели?

- Нет, мадам, - сказала София твёрдо. - Только крик мадемуазель Луниной. Больше ничего.

Наступиа тягостная пауза. Госпожа Дадиани изучающе смотрела на Софию, словно пытаясь разглядеть ложь на её лице. Директриса перебирала бумаги на столе.

- Хорошо, я Вас услышала. Надеюсь, рассказы Ваших подруг будут такими же складными, а иначе о случившемся узнает полиция и Вас обвинят в смерти Киры. Вы же не хотите этого, верно? - казалось, директриса наслаждалась смятением Софии.

- Нет, мадам, - ответила она, опустив голову.

- Так и думала,- голос госпожи Белокрыловой звучал удовлетворённо. - Вы свободны.

София сделала реверанс и быстро вышла, чувствуя, как взгляды директрисы и инспектрисы жгут ей спину. Вера так и не подняла на неё глаз.

В коридоре, прислонившись к холодной стене, София закрыла глаза, пытаясь унять дрожь. Она солгала. И Вера не выдала их, но и не поддержала полностью. Почему? Страх? Или что-то другое? И главное: что скрывала директриса? Она вела себя так, будто смерть Киры была досадной помехой, пятном на репутации, которое срочно нужно замыть предстоящим балом. Никакого сочувствия, никаких попыток докопаться до истины - только приказ молчать.

Шаг за шагом, София пошла к классу Закона Божьего. Мысли в голове лихорадочно работали. Разговор с Верой был теперь жизненно необходим. И найти то треснутое зеркало в заброшенной комнате. Оно было ключом. Порталом. Ловушкой.

Она открыла дверь в класс. Все взгляды устремились на неё - испуганные, вопрошающие, осуждающие. Мари сидела с каменным лицом. Лидия неотрывно смотрела в молитвенник. Китти прятала заплаканные глаза.

София заняла своё место. Голос священника, читающего псалом, казался далёким и бессмысленным. В голове звучал только колокольный звон, крик Веры и леденящий шёпот:

- *Скоро увидимся...*

Следующая встреча была неизбежна. София чувствовала это каждой клеточкой своего промёрзшего, охваченного страхом тела. Она сжала руки под партой. Изуродованное тело Киры маячило перед её внутренним взором. Предупреждение было ясным: жертвы будут. Вопрос лишь в том, кто окажется следующим на этом жутком алтаре институтских тайн. София знала одно - она не намерена ждать своей очереди. Она пойдёт навстречу. В логово призрака. К треснувшему зеркалу. Она должна понять. Должна остановить. Или погибнуть, пытаясь.

Все они были пешками в чужой игре. Игроки были невидимы, но их присутствие ощущалось в каждом шорохе, в каждом взгляде, в каждой недомолвке. И София решила, что пришло время узнать, кто дёргает за ниточки и ради чего. Бал приближался, и вместе с ним приближалась развязка.

София не заметила, как прошёл урок. Её мысли витали совсем не там, где надо. Она думала о том, сообщит ли директриса семье Киры о потере единственной дочери, или посчитает это кощунством? Что бы ни было, София должна принести соболезнования. Её отец, предводитель уездного дворянства Новгородской губернии, был знаком с отставным генералом Грац, отцом Киры. Поэтому она считала себя обязанной доложить о случившемся, ведь после смерти отца София осталась одна и первое время, пока к себе её не забрала тётка, девушка была под крылом семьи Грац, чему она бесконечно благодарна.

Тяжёлые слова священника о смирении перед волей Господней падали в гробовую тишину класса. София сидела, будто окаменевшая, но внутри кипел ад. Ложь директрисе, угроза Насти, невысказанные ужасы , витающие в воздухе института - всё это сдавливало грудь. А главное - образ Киры, её пустые глаза и странный символ на руке, о котором София вспомнила только сейчас.

Как только прозвенел колокол, София первой вскочила с места. Ей нужно было найти Веру. Сейчас же. Но путь к комнатам пепиньерок преградила Мари.

- Софи! - схватив её за рукав, Мари оттащила девушку в нишу у окна. Лицо её было серым от бессоницы, глаза лихорадочно блестели. - Что там было? Что она сказала? Вера была? Что с ней?

- Она молчала. Почти. - София понизила голос до шёпота, озираясь. Китти и Лидия робко приблизились, образовав тесный кружок. - Госпожа Белокрылова и госпожа Дадиани... Они не верят в несчастный случай. Они знают, что мы что-то скрываем. Но им это невыгодно. Скандал перед балом ни к чему. Директриса прикрывает институт, а нас использует, чтобы замять дело. Она прямо пригрозила полицией, если наши истории не сойдутся.

- А Вера? - настойчиво спросила Мари. - Что она сказала?

- Она не подтвердила нашу версию про умывальную. Сказала, что не заметила нас, - София нахмурилась, вспоминая Веру. - Она была странная. Не просто напуганная, а словно опустошённая. Но когда она на меня посмотрела... - София замолчала, подбирая слова. - В её взгляде было что-то... Не только страх. Как будто предупреждение. Или вина? Мне показалось.

- Вина? - фыркнула Лидия, нервно теребя воротничок. - Она же больше всех кричала, рыдала. Её чуть ли не силком оттащили от Киры.

- Именно. Слишком много рыдала, - холодно заметила Мари. Её взгляд стал жёстким.

Вопросы висели в воздухе, острые как бритва. Китти всхлипнула.

- Вы думаете, Вера может быть причастна? - прошептала она, с ужасом глядя на институток.

- Не знаю, - честно ответила София. - Но она что-то знает. И я должна с ней поговорить. Сейчас. Пока её не упекли куда подальше или пока *Она* не добралась до неё следующей.

- Осторожно, София, - предупредила Лидия. - Если она и вправду замешана, или за ней следят...

София кивнула. Страх грыз изнутри, но сильнее его была ярость - на ситуацию, на собственную беспомощность, на ту невидимую силу, что играла их судьбами. Она не могла сидеть сложа руки.

План созрел мгновенно. По институтским правилам, личные вещи умершей воспитанницы должны были собрать и отправить родным. Этим обычно занимались пепиньерки под присмотром классной дамы. В дортуаре Киры могло быть что-то важное. Ключ. Записка. Тот самый дневник, который она вела, и о котором пару раз обмолвилась в разговоре.

- Идите на урок, - приказала София подругам. - Я попробую проскользнуть в дортуар Киры. Сейчас там должен быть бардак, можно затеряться. Может, удастся что-то найти. Ну, вы понимаете.

Мари резко кивнула. Лидия и Китти выглядели испуганными, но согласились.

София ждала, пока коридор опустеет. Сердце колотилось, как птица в клетке. Каждый шорох заставлял вздрагивать. Наконец, она рванула по знакомому маршруту. Дортуар Киры находился в старом крыле, недалеко от их собственного. Дверь была приоткрыта. София заглянула.

Комната была полупустой. Одна кровать - та, на которой спала Кира - уже разобрана, матрас свёрнут. На другой, соседней, сидела заплаканная соседка Киры, с которой София не была знакома, убирала свои вещи - видимо, её переселяли. В углу возилась пепиньерка, та самая, что обычно помогала в этом крыле. Она складывала Кирины платья в сундук. Рядом стояла мадам Лебо, наблюдая с каменным лицом.

- Мадемуазель Оболенская? - удивлённо подняла брови классная дама. - Что вам здесь нужно? Вы должны быть на уроке.

София сделала глубокий вдох, изображая искреннюю скорбь.

- Простите, мадам. Я не смогла... Мысли все о Кире, - её голос дрогнул. - Можно я посижу минутку? Проститься мысленно. - Она опустила глаза, сжимая руки. - Я тихо. Никому не помешаю.

Мадам Лебо, известная своей суровостью, на мгновение смутилась. Смерть воспитанницы - форс-мажор, и даже железные правила института трещали по швам. Она бросила взгляд на всхлипывающую соседку и на пепиньерку.

- Пять минут, mesdame, - она кивнула в сторону кровати Киры. - И не трогайте ничего.

София кивнула, благодарность искренне блеснула в её глазах. Она осторожно прошла и села на краешек соседней кровати, спиной к мадам Лебо и девочкам. Перед ней был остов Кириного спального места: голые доски, тумбочка с выдвинутым ящиком. В ящике лежало несколько мелочей - ленточка от шляпки, сломанный карандаш, пустой флакон из-под ухов. Ничего, что могло бы помочь.

Дневник. Где же он? Кира прятала его под матрасом, в потайном кармашке, сшитом ею самой. София знала, потому что видела однажды. Она бросила беглый взляд на свёрнутый матрас, прислонённый к стене. До него - рукой подать, но мадам Лебо видела её в спину. Рисковать сейчас - безумие.

Пепиньерка взяла Кирину подушку, чтобы встряхнуть наволочку. И вдруг что-то маленькое и тёмное выскользнуло из-под подушки и упало на пол с тихим шлепком. София едва не вскрикнула. Это была записная книжка в кожаном переплёте, потёртом по углам, с изящным вензелем «К.Г.» на обложке. София сразу узнала его - дневник!

Пепиньерка, занятая подушкой, не заметила падения. Книжка лежала в тени, между ножкой кровати и сундуком. Мадам Лебо отвернулась, что-то говоря другой воспитаннице.

Сейчас или никогда. София, притворяясь, что поправляет складку на юбке, резко наклонилась. Её пальцы схватили прохладную кожу переплёта, движение было молниеносным. Она выпрямилась, сунув драгоценную ношу глубоко в карман передника. Сердце бешено стучало,

кровь гудела в ушах. Она боялась поднять глаза, чувствуя себя преступницей, пойманной с поличным на месте преступления.

- Мадемуазель Оболенская, ваши пять минут истекли, - раздался ледяной голос мадам Лебо. - Прошу вас, в класс. Немедленно.

София вскочила, сделала неглубокий реверанс.

- Спасибо, мадам. Простите за беспокойство, - голос показался Софии чужим.

Она вышла, чувствуя жгучий вес дневника в кармане. Она сделала это. Теперь у неё была ниточка, ведущая к правде.

*

Вера Лунина не появлялась в столовой за обедом. Дежурная пепиньерка шёпотом сказала, что ту отпустили домой - «в связи с тяжёлым потрясением». Но «домой» - значило в каморку персонала в самом глухом крыле института.

Вера сидела на краешке жёсткой койки, спиной к двери. Она не плакала. Она смотрела в маленькое, мутное зеркальце на стене, но смотрела не на своё отражение. Её взгляд был расфокусированным, устремлённым куда-то внутрь или сквозь стекло. На лице не было и следа недавней истерики или скорби. Оно было пустым. Абсолютно спокойным. Лишь уголки губ были чуть поджаты, будто в лёгком раздражении или сосредоточенности.

Это была не Вера. Её знали как милую, немного робкую, всегда готовую помочь девушку. Эта женщина на койке излучала холодную отстранённость. И в этой отстранённости было что-то знакомое... То самое ощущение пустоты и древнего ужаса, что исходило от Белой Дамы в зеркале.

Вера медленно подняла руку и провела пальцем по стеклу зеркальца - нежно, почти ласково. Потом её губы шевельнулись. Это был беззвучный шёпот, обращённый к отражению - или к тому, что было за ним.

Вера вдруг резко встала, словно очнувшись. Её лицо мгновенно преобразилось, на нём появилось привычное выражение усталой печали. Она вздохнула, повернулась и замерла.

В дверном проёме стояла дежурная пепиньерка, застывшая с подносом в руках. На её лице читался испуг и растерянность. Она явно не ожидала увидеть Веру уже пришедшей в себя, да ещё и стоящей на ногах.

- Вера? - робко выдохнула девушка. - Ты как? Принесла тебе поесть. Бульон...

Вера медленно перевела на неё взгляд. Усталая печаль не исчезла, но в глубине её глаз, куда обычно никто не заглядывал, мелькнуло что-то другое. Не раздражение, не гнев - холодное, почти безразличное оценивание. Миг - и оно погасло, растворившись в привычной влажной дымке тоски.

- Спасибо, Катя, - голос Веры звучал тихо, чуть хрипло, но узнаваемо. Она сделала шаг к двери, её движения были сдержанными, чуть заторможенными, как у человека после долгого плача или болезни. - Поставь на стол, пожалуйста.

Катя поспешно вошла, поставила поднос на маленький табурет, служивший столом. Её взгляд скользнул по лицу Веры, ища следы недавнего «тяжёлого потрясения». Но она видела только опухшие веки и бледность - обычные спутники горя.

- Ты не хочешь поговорить? - неуверенно предложила Катя. - Или, может, позвать кого-нибудь? Мадам Лебо?

- Нет, - ответила Вера, слишком быстро. Она поймала себя, смягчила интонацию: - Я просто поем и лягу. Очень устала.

Она подошла к подносу, глядя на парящий пар над бульоном. Катя не решалась уйти, чувствуя какую-то неловкость, невидимую стену.

- Ладно, - протянула она. - Если что, я рядом. Мы все - рядом.

Вера кивнула, не поднимая глаз от тарелки. Катя, облегчённо вздохнув, что самое страшное осталось позади, выскользнула за дверь, тихо прикрыв её.

Щелчок замка прозвучал гулко в маленькой каморке. Вера не двинулась с места. Пар от бульона постепенно рассеивался. Тишина сгущалась, становясь осязаемой.

Тогда она медленно, очень медленно подняла голову и снова посмотрела на дверь. Печаль на её лице не дрогнула, но уголки губ едва заметно напряглись. На мгновение. Лишь на одно неуловимое мгновение.

Затем она повернулась к еде. Движения её были плавными, почти неестественно лёгкими, когда она потянулась за ложкой - как будто тело вспоминало другую походку, другую грацию. Она села на край койки, спиной к двери и лицом к маленькому, мутному зеркальцу, висевшему на стене. Но прежде чем опустились взгляд, её глаза на долю секунды метнулись в сторону зеркала.

В его мутной глубине, в слабом отблеске тусклой лампочки, мелькнуло неясное пятно. Бледное, как дымка. Или как лицо. Оно было там и исчезло. А Вера Лунина, с привычно скорбным выражением, поднесла ложку с бульоном ко рту. Её рука не дрогнула.

*

Белая Дама была не просто призраком. Она имела слугу. Здесь, в стенах института. И следующая жертва уже выбрана. София знала это с ледяной ясностью. Бал приближался, ночь будет долгой, а тени - очень густыми. И белый шлейф от платья вечной невесты уже протягивался в темноте, выбирая, кому из них суждено встретиться с Белой Дамой лицом к лицу следующей. София сжала в кармане дневник Киры. Это была не просто ниточка. Это было оружие. И она должна была научиться им пользоваться до наступления темноты.

Из дневника

«I. XL1825 г.

Как странно... Как странно порой поворачиваются мысли. Сегодня вечером, готовясь ко сну, я долго смотрела в это старое зеркало в нашей умывальной. Оно было в тяжёлой раме, чуть волнистое, будто вода стоит. И в свете моей свечи лицо казалось то моим, то чужим. Глаза уходили Куда-то вглубь, будто смотрела не я сама, а кто-то другой из моего тела. На минуту даже показалось, что уголки губ дёрнулись в улыбку - не мою! - холодную и знающую. Я резко отвернулась, сердце колотилось, как птица в клетке. Глупости, конечно. Усталость. Вечные сочинения по Закону Божьему...

Свеча коптит, отбрасывая пляшущие тени на стены дортуара. Тишина такая, будто сам институт затаил дыхание после отбоя. А в ушах звенит от шёпота и сдавленного смеха - мы только что вернулись из той комнаты.

Ритуал. Слово-то какое важное, а на деле - полутёмная конура, запах плесени и воска, наши перешёптывания, похожие на шипение испуганных гусей. Мари читала что-то на непонятном языке - то ли латынь, то ли что похуже, - голосом низким и непривычно серьёзным. Мы сидели в кругу, держась за холодные руки, свечи отбрасывали наши огромные, корчащиеся тени на стеллажи с хламом. Казалось, воздух сгустился, стало дышать труднее. И холод... Внезапный, пронизывающий, будто из щелей в полу потянуло могильным сквозняком. Не приведи Господи!

И вот тогда... Было ли это? Или померещилось от страха и усталости? Мне почудилось, будто в дальнем углу, где груда старых тряпок и сломанной мебели, что-то шевельнулось. Не крыса. Что-то большее, бесформенное и на мгновение вобравшее в себя весь скудный свет. Сердце упало куда-то в пятки. Я вскрикнула - негромко, но этого хватило. Лидия резко обернулась, свеча в её руке дёрнулась, пламя коснулось старой деревянной статуэтки Богородицы, что валялась в углу. Треснул сухой звук - у фигурки отломилась рука. Лидия замерла, глядя на сломанное дерево, и улыбка у неё вдруг стала какой-то чужой. Не её жизнерадостной, а кривой, почти злой гримасой. «Значит, приняли», - прошептала она так, что кровь в жилах стыла.

Господи, что мы наделали? Это была лишь глупая девичья шалость, игра в тайное общество, как в ромнах Анны Радклиф. Но этот холод, этот сломанный лик, и тень в углу... Неужели мы действительно что-то позвали? Приоткрыли дверь, в которую лучше бы не стучаться?

Завтра девонки будут смеяться над моими стрхами. Скажут, что я воображеньем больна. Надо бы сходить в тот кабинет днём, при свете, стереть меловые круги, собрать воск. Надо убедиться, что там ничего нет. Ничего.

И вот я сижу одна. В дортуаре тихо, все спят. А я не могу. Мысли путаются. Почему я так испугалась? Из-за зеркала? Из-за Лидиного шёпота? Или из-за этих глупых историй о Белой Даме? Господи помилуй... Но что-то щекочет нервы, как иголкой. Тот кабинет... Он такой тёмный, пыльный. Его давно не используют для занятий. Но почему тогда дрожь в коленях? И почему отражение в зеркале сегодня вечером смотрело на меня чужими глазами?

Но почему же я тогда не могу согреться? И пчему, когда я закоываю глаза, мне видится не темнота, а зеркало в конце коридора? Оно такое тёмное ночью, будто в него можно... провалиться.

(Несколько строк ниже, другим почерком, более неровным):

Проснулась от кошмара. Будто в том зеркале кто-то был. Не я. Какая-то тень. Белая? Взгляд - пустота. Господи, помилуй. Это лишь от нервов. Лишь от нервов».

Глава 3

С того дня прошла неделя. Воспитанницы были погружены в подготовку к балу, ко встрече с Великим Князем, в тяготы будней. Никто не вспоминал о случившемся, никто не хотел думать о возможных последствиях в будущем, ведь все знали - смерть Киры не несчастный случай. И страх, пронзивший стены Института, витал в воздухе, напоминая о пережитом ужасе. Но госпожа Белокрылова тщательно фильтровала поток поступающей информации, разговоры шёпотом после отбоя, даже взгляды. Её внешнее спокойствие казалось непоколебимым.

Однако, не всё было так идеально, как того хотелось. Младшие воспитанницы боялись. Боялись ходить по одиночке, спать без свечей, выходить в сад, где была обнаружена мёртвой Кира. И София понимала их беспокойство - нельзя было оставаться равнодушными, когда внутри всё кричало о справедливости. Она хотела найти убийцу. Хотела знать правду. Но дневник Киры молчал - вероятно, она действительно что-то знала, но боялась. Как боятся они все. И София была уверена - нет, она знала, - что директриса знакома с убийцей и покрывала его. Но почему? Страх? Репутация? Нет, здесь было что-то более глубокое. *Что-то личное.*

Но постепенно страх сменялся предвкушением. Завтра - бал! Вот оно - то, ради чего девушки жили всё это время. Не столько из-за шанса познакомиться с благородными джентльменами (хотя и это тоже, разумеется), сколько выгулять свои творения, платья, созданные своими руками. Весь последний месяц (несмотря на трагические события) воспитанницы усердно трудились над нарядами - каждой хотелось создать что-то уникальное, запоминающееся, чтобы оставить след в истории. Возможно, многие надеялись на то, что их заметит Николай Павлович, окажет знаки внимания или даже замолвит слово во дворце о службе фрейлины, но все понимали - Великий Князь неприступен, как скала. К тому же, женат и имеет детей. Но что мешает юным нимфам предаваться сладким грёзам, верно?

Сегодня был так называемый «разгрузочный» день - девушки отдыхали, доштопывали свои платья, готовились к балу и, конечно же, ждали финальной репетиции. Завтра всё должно быть безупречно, ведь опозориться перед лицом Великого Князя и курсантов - немыслимо! Что подумают люди, когда молва об этом пройдёт по высшему свету Петербурга?!

София сидела на краю своей кровати, держа в руках клубок тончайших кружев цвета сливок, но мысли её были далеко. Предстоящий бал не приносил ей ожидаемого восхищения или облегчения, наоборот - лишь усугублял поток негатива, что витал в воздухе с того самого дня. Это было несправедливо. Нечестно. Киры больше нет, а они хотят праздника. Конечно, она могла бы попытаться кокетничать и попробовать поговорить с Николаем Павловичем лично, потребовать немедленных объяснений, устроить скандал, чтобы изобличить Белокрылову и доказать её причастность к смерти одной из воспитанниц, но понимала, что это не только недо-

пустимо для благородной леди, коей она и являлась, но и немыслимое, вопиющее кощунство по отношению к Короне и тем, кто ей служит! Она - леди, а не своенравная барышня из крестьянской слободы.

Вокруг суетились другие воспитанницы, восхищённо охая и кружась перед зеркалом, словно только что получили посылку с самыми лучшими нарядами по последней моде Парижа. София, однако, не разделяла их энтузиазма, но не противилась, как того можно было ожидать. Комната пестрела разными оттенками розового, голубого, фиолетового, белого - каждое платье было прелестнее другого! Её же платье было простое, невычурное, но по меркам времени элегантное и изысканное - её матери, но перешитое по современной моде с сохранением стиля старшей графини Оболенской. Нежно-розовое, как утренние бутоны, из тонкого французского шёлка, его юбка струилась словно волны, при каждом движении бёдер, а пышные рукава-фонарики открывали вид на бледные, тонкие, но не лишённые изящества руки. Лиф был скроен из более плотного сукна того же цвета, с серебряными костяными пуговицами и бархатными лентами, аккуратно повязанными бантиками на груди. Сейчас она пришивала кружева к воротничку и рукавам, создавая ещё больше ощущения воздушности и лёгкости. У Софии не было цели соблазнить или заигрывать, но ей хотелось, прежде всего, показать свою женственность и природную красоту и грацию.

К ней подошла Мари.

- Посмотри, душечка, какая прелесть! - восхищённо воскликнула она, прижимая к груди бледно-голубой шёлк. - Маменька привезла из Лондона! Magnifique!

София подняла голову, чтобы что-то сказать, но внезапно дверь распахнулась и в дортуар вихрем ворвалась запыхавшаяся Китти, румяная и возбуждённая, с огромными глазами.

- Вы не поверите, mesdames! Великий Князь приедет раньше, чтобы справиться у директрисы о приготовлениях! Репетиция переносится на сейчас! Все в бальный зал, живо! - она говорила быстро, сбивчиво, глотая окончания, но так, чтобы смысл её слов дошёл до каждой воспитанницы. - Госпожа Белокрылова в ярости. Говорят, утром у неё была стычка с кем-то из высших чинов!

- Что? - спросила Мари, первой придя в себя и прерывая поток слов. Новость не укладывалась в голове. - Китти, ты уверена? В самом деле, Николай Павлович решил посетить нас прямо сейчас? Я не понимаю, как же так? Отчего же?

- Да-да, я сама слышала, как госпожа Белокрылова с кем-то разговаривала в своём кабинете - судя по голосу, это был мужчина и, вероятнее всего, доверенное лицо Князя, - залепетала Катерина. - Oh, mon Dieu!

Находившиеся в дортуаре воспитанницы засуетились. Каждый визит августейших членов был строго согласован и, если Его Милость вдруг решил внезапно приехать, нарушая все нормы приличий и договорённостей, то значит ли это, что ничего хорошего ожидать не стоит? Вероятнее всего - по крайней мере, Софии хотелось так думать, - его визит связан с тем, что произошло на прошлой неделе. С Кирой. Вряд ли госпожа Белокрылова придавала огласку смерти воспитанницы, тем более, в вышестоящие инстанции, но что, если Николай или (упаси бог) сам Император как-то прознали об этом? Наверняка агенты сыска были даже здесь, в святая святых. Тогда скандала не избежать. Тогда отменят бал. И тогда... Что «тогда», София не

хотела знать. Ей было важно отомстить за Киру. И она сделает это - с помощью Николая или без него. План появился сам собой.

- Странно всё это, не находите? - спросила Мари, присев на краешек кровати и понизив голос, зная, что любопытные уши (это она про Настю) могут подслушать. - Сначала Кира, теперь это. Нет, не подумайте, что я как-то осуждаю действия Николая Павловича, но обычно ни он, ни Государь, ни кто-либо ещё из императорской семьи не приезжали столь спешно. О нет, только не говорите, что бал отменят! - её восклик прозвучал громче, чем она планировала.

- Я думаю, если бы было что-то столь ужасное, как мы себе вообразили, то госпожа Белокрылова нам уже сообщила бы об этом. - София старалась говорить ровно, но голос всё равно дрогнул. Она крепче вцепилась в кружева. - Не знаю.

- Настя, душечка, а ты что думаешь? - Мари неожиданно повернулась к кровати девушки, где та уже примеряла платье. - Неужели тебе всё равно на то, что творится в институте?

Все взгляды уставились на неё.

- Право, Мари, оставь меня в покое! - отмахнулась Настя, не отрываясь от зеркала. - У меня платье не застёгивается, вот о чём я думаю! И вообще, с чего бы князю интересоваться какой-то там Кирой? Наверняка просто проверяет, как идёт подготовка к балу. Нужно же ему где-то развлекаться.

София почувствовала укол раздражения. Насте, как всегда, было плевать на всех, кроме собственной персоны. Но в её словах был смысл. Возможно, они зря нагнетают обстановку. С другой стороны, интуиция Софии кричала об обратном. Слишком много странных совпадений за короткий срок. И то, что Спасская так снисходительно относится к произошедшему, к тому, что одну из её сокурсниц хладнокровно убили (а София была почти на сто процентов уверена, что Киру убили!), выбило её из колеи. Нет, теперь она точно не сможет молчать! Кто бы что ни говорил, какие бы правила не стояли перед ней, девушка ни перед чем не остановится, чтобы найти убийцу подруги и доказать всему высшему свету, что Любовь Белокрылова скрывает страшные тайны и жуткие вещи, творящиеся в стенах Императорского Института Благородных Девиц!

София стиснула зубы. Ярость клокотала в ней, подталкивая к действию. Настя со своим равнодушием, Мари со своими страхами, наивность Китти и Лидии казались такими жалкими и беспомощными. Неужели они не понимают, что молчание равносильно соучастию? Что если убийца Киры останется безнаказанным, то кто может гарантировать, что следующей жертвой не станет одна из них?

Нужно было срочно что-то делать. Говорить напрямую с Николаем Павловичем - самоубийство. Девушка понимала, что её действия могут иметь серьёзные последствия. Но страх перед возможным наказанием не мог сравниться со страхом жить в мире, где зло остаётся безнаказанным. София верила, что правда должна восторжествовать, и она сделает всё возможное, чтобы этого добиться. Даже если ей придётся рискнуть всем.

Настроения не было. Мысли роились в голове, как стая пчёл, мешая думать. Закончив с кружевами (она шила механически, погружённая в свои думы), София отложила платье и подошла к окну. За ним вдалеке раскинулся ухоженный сад Института - тот самый, где так

внезапно оборвалась жизнь Киры. По спине пробежал холодок. Она невольно вспомнила бледное лицо девушки с застывшим на нём выражением ужаса в глазах. Неужели никто, кроме неё, не чувствует вины? Неужели бал затмил собой всё? Разве Кира заслужила того, чтобы о ней все забыли? Честь и достоинство, о которых так любит твердить директриса, сейчас были втоптаны в грязь.

Вздохнув, София достала из небольшой бархатной шкатулки в комоде старый медальон - единственную вещь, которую ей разрешила оставить госпожа Дадиани, ведь по правилам института воспитанницам запрещалось носить какие-либо украшения, кроме скромного нательного крестика. Внутри медальона был портрет её матери, той самой графини Оболенской-старшей, чей стиль и память она так старалась чтить. Она скончалась от чахотки, когда София была ещё совсем маленькой, оставив ей в наследство лишь титул, долги и несколько фамильных драгоценностей. Отец же, будучи человеком чести и служивший на благо Отечества, погиб на фронте, защищая империю, о чём София узнала пару месяцев назад. Институту благородных девиц она была обязана покровительству дальней родственницы, кузине своей матери (той самой тётки) - Элеоноре Вальдемаровне Демидовой-Юрьевской, вдове отставного генерала и ныне живущей в роскошном имении с кучей прислуги, дававшей приёмы знатным дворянским семьям. София была ей не нужна, но понимая, что если Элеонора перестанет платить за её нахождение в стенах Института, девушку отправят домой. А это значило лишь то, что спокойствию «убитой горем» тётушки придёт конец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.